

ЕКАТЕРИНА СВЕТ ТАНЯ БЕЛКОВА

МОЙ ВОЕННЫЙ ХИРУРГ

★
ЛИНИЯ ОГНЯ

Таня Белкова

Мой военный хирург. Линия огня

«Автор»

«Автор»

2026

Белкова Т.

Мой военный хирург. Линия огня / Т. Белкова — «Автор»,
«Автор», 2026

Я приехала в прифронтовой госпиталь спасать раненых, а в первый же день оказалась под обстрелом. От осколков меня закрыл собой Глеб Батурин — майор медицинской службы, военный хирург со шрамом на скуле и руками, которым хочется доверить не только жизнь. Я, капитан Дарья Соколова, привыкла держать себя в руках. Но рядом с ним даже короткое прикосновение сбивает дыхание. Мы работаем до изнеможения, и между двумя тревогами я впервые позволяю себе мечтать о нас. Только беда приходит не с одной передовой: тыловой начальник поставляет госпиталю подделки и грозит расправой за правду. Теперь нам придется вместе защищать раненых — и чувство, которое делает каждый следующий обстрел страшнее.

© Белкова Т., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Екатерина Свет

Мой военный хирург. Линия огня

Мой военный хирург. Линия огня

Екатерина Свет и Тania Белкова

Глава

1

Заднее колесо штабного «УАЗа» с визгливым чавканьем сорвалось в размытую колею, и меня швырнуло плечом на брезентовую обшивку. Водитель, сержант с серым от хронического недосыпа лицом, даже не выругался — лишь молча, с хрустом выкрутил руль навстречу заносу. Сквозь мокрые пирамидальные тополя проступили очертания заброшенной машинно-тракторной станции: бетонные коробки боксов, ржавые фермы навесов и тяжелые, перепоясанные маскировочными сетями своды главного ангара. Балка Глубокая. Отдельный медицинский батальон под Новоселовкой.

— Приехали, товарищ капитан, — хрипло бросил сержант, глуша мотор. — Сортировка и операционные в ангаре. Только шевелитесь живее, тут недавно вражеская «птичка» кружила.

Я подхватила тяжелый металлический кофр с реанимационной укладкой, прижала к бедру планшет и с силой толкнула тугую дверь. Воздух передового эшелона ударил в лицо едкой смесью солярки, битума, горелого железа и сырой перепаханной глины. Километрах в трех к югу сухо молотили пулеметы, а следом докатывался вибрирующий в диафрагме гул артиллерийских залпов. Земля под ботинками мелко и непрерывно дрожала.

Я успела сделать десяток шагов по мокрому гравию, когда пространство вокруг внезапно потеряло звук.

Это длилось долю секунды — страшная вакуумная тишина, за которой с неба рухнул леденящий жилы свист. Тонкий, распарывающий перепонки визг приближающейся 120-миллиметровой минометной мины.

— Воздух! — истошно закричали у капонира. — Ложись!

Я рухнула на колени в острую щебенку, подмяв под себя чемодан и намертво прижав к животу коробки с ампулами промедола. Разобьются опиаты — в операционной нечем будет гасить травматический шок у сотен людей.

Удар взрывной волны пришелся в спину плотным горячим кулаком. В тридцати метрах вздыбился пятиметровый султан черной земли и битого кирпича. Осколки распороли жесть будки, посыпалось стекло. Не успела едкая гарь обжечь горло, как воздух разорвал второй свист — еще ближе, прямо в макушку.

Я зажмурилась, вжавшись лицом в воротник, готовясь принять удар.

И в то же мгновение тяжелая масса чужого бронированного тела сбила меня на землю. Огромные плечи накрыли меня целиком, как железобетонный козырек, а сильные руки замком сомкнулись вокруг моей головы.

Второй разрыв громыхнул у самых ворот. Тяжелый осколочный веер с сухим металлическим звоном хлестнул по кевларовым пластинам бронежилета на спине мужчины. Я физически ощутила, как содрогнулись его мощные мышцы, принимая на себя ярость горячего чугуна.

— Лежать, капитан! Не дергаться! — прохрипел прямо в ухо низкий мужской бас, пахнущий табаком, пороховым дымом и хлоргексидином.

Глина и комья грязи осыпались дождем. Мужчина надо мной шевельнулся и поднялся на одно колено.

Я открыла глаза. Майор медицинской службы. Лицо будто вытесано из серого гранита: глубокие складки у рта, трехдневная щетина, светлые, невероятно цепкие глаза. По правой

скуле от виска до челюсти тянулся рваный рубец. Ведущий хирург ОмедБ майор Глеб Батурин — лицо и фамилию я запомнила еще по документам перед отправкой.

— Цела? — коротко бросил он, скользнув взглядом по моим капитанским погонам.

— Цела, товарищ майор. Укладка в порядке.

— Поднимайся. В щель, под бетон! Бегом!

Договорить он не успел. С южной дороги на плац, вздымая фонтаны жидкой грязи, влетел санитарный БТР-80 с крупным белым крестом на броне. Люки распахнулись на ходу.

— Хирургов сюда! — сорванным голосом заорал ротный санинструктор. — Сорок человек с передовой! Колонна на подходе! Здесь тяжелый, артерия!

Из десанта вытолкнули носилки. Я подскочила первой. На брезенте лежал юный мотострелок. Правая штанина была срезана: бедро рассечено глубоким осколочным ранением, а из паховой складки упругими толчками хлестал темно-алый фонтан. Жгут сполз с окровавленного бедра. Глаза парня закатывались, кожа становилась цвета мела.

— Бедренная артерия! — крикнул Батурин. — В блок его, зажим!

— Не довезем! — крикнула я. — Обескровит через двадцать секунд!

Я упала на колени прямо в жидкую глину, сжала пальцы в замок и всем весом корпуса вдавила основание ладони в паховую складку, прижимая ствол артерии к лобковой кости. Горячая, скользкая кровь ошпарила кожу, но я навалилась со всей силой своих сорока восьми килограммов. Толчки захлебнулись и замерли. Фонтан сбился.

Батурин на миг замер, глядя на мои перепачканные алой кровью руки, заклинившие сосуд:

— Держи, капитан! На раз-два — взяли!

Санитары подхватили носилки, и мы полубегом рванули к ангару. Я бежала боком, на полусогнутых ногах, не смещая пальцы ни на миллиметр.

* * *

Стальной тамбур встретил нас скрежетом: близкий взрыв выбил нижний ригель, перекосив тяжелую гермодверь. Носилки не проходили.

— Лом! — рявкнул Батурин. — Степан, живей!

Кряжистый боец метнул полутораметровый лом. Майор вогнал его в зазор порога, наваливаясь на рычаг всей массой. Металл заскрежетал, но верхняя петля держала намертво.

— Наверху шпингалет закусил! — крикнула я, удерживая артерию бойца одной рукой. — Монтажку мне!

Степан принял у меня прижатие, а я перехватила монтажную лопатку, вскочила на порог и вбила край под верхний штифт.

— Дави, майор! Вместе!

Батурин налег снизу, вены на его шее вздулись канатами. Я рванула монтажку вниз всем весом тела, до хруста в плечевом суставе. Штифт лопнул со звоном, тяжелая створка распахнулась. Я вернулась к носилкам, сменив Степана. Нам в лицо пахло густым, удушающим духом сортировочного покоя: теплой кровью сорока людей, горелой синтетикой, пороховой гарью, карболкой и мокрым, ледяным бетоном.

Внутри стоял сплошной, утробный давящий гул, от которого звенело в ушах. В три ряда прямо на цементном полу лежали носилки. Белые от шока лица, обгоревшие бушлаты, хрипы, прерывистый мат сквозь сцепленные зубы, сухой стук костылей и шипящий свист редукторов кислородных баллонов. Двое молоденьких фельдшеров в окровавленных клеенчатых фартуках метались между телами, буквально задыхаясь от паники перед обрушившимся валом санитарных потерь.

— Отставить суету! — мой голос прозвучал неожиданно хлестко и звонко, резанув пространство над стонами. — Фельдшеры, слушать меня! Я — капитан медицинской службы

Соколова, ведущий реаниматолог. Немедленно вводим жесткий триаж по степени неотложности!

Я кивнула старшему санинструктору на карман своей разгрузки. Он вынул три широких несмываемых маркера — красный, желтый и зеленый:

— Маркировку ставить прямо на лоб раненым! Красный крест — операционная немедленно, шок третьей степени, внутреннее кровотечение! Желтый — стабилизация, сосудистый доступ, капельницы, ожидание второй очереди! Зеленый — легкораненные, осколочные мягких тканей, марш в правый перевязочный отсек своим ходом! Пошли по рядам, не задерживаться у одного дольше десяти секунд!

Фельдшеры мгновенно включились, подчиняясь четкой, непререкаемой командной логике. Беспорядочный стон в ангаре начал выстраиваться в организованный медицинский конвейер.

Мы внесли носилки с мотострелком в противошоковый отсек. Я продолжала всем весом вдавливать кулак в его паховую складку, чувствуя, как под моими онемевшими пальцами глухо бьется разорванный эластичный ствол артерии.

— Давление сорок на ноль! — крикнула я санитару, бросив взгляд на манжету. — Пульс на сонной нитевидный, сто тридцать в минуту! Срочно болюс плазмозаменителя! Где стойка для инфузий?!

— Смяло стойку взрывной волной, когда ворота вынесло! — отчаянно крикнул боец, сжимая в руках холодный стеклянный флакон полиглюкина. — Вешать некуда, товарищ капитан!

Я ни секунды не раздумывала:

— Степан, мой ремень! Флакон подвесить на крюк!

Он выдернул жесткую кожаную ленту из моих шлевок, захлестнул горлышко полулитровой бутылки и перебросил свободный конец через чугунный крюк пожарного водопровода под сводом. Раствор взмыл на полтораметровую высоту.

Санитар дрожащими руками разорвал бумажную пачку стандартной армейской капельницы, пытаясь вогнать иглу воздуховода в толстую резиновую пробку. Раздался противный сухой треск: тонкая пластиковая игла свернулась набок, а сама трубка переломилась пополам — копеечный тыловой полимер на морозе стал хрупким, как сухое стекло.

— Что за дерьмо они нам прислали?! — бешено прорычал Батулин, с треском натягивая коричневые хирургические перчатки. — На складе совсем ослепли?!

— Обычный тыловой контрафакт, майор, — жестко ответила я, не отпуская прижатый сосуд раненого. — Степан, достань из моего рюкзака черный герметичный пенал! Живо!

Я зубами сорвала защитную ленту с упаковки надежного немецкого силиконового инфузионного тракта. Толстая игла мягко и плотно вошла в резину, резиновая трубка легла в пальцы упруго и надежно.

— Надевай манжету тонометра прямо на тело флакона! — бросила я фельдшеру. — Нагнетай воздух грушей! Струйно, под давлением в две атмосферы! Подавай объем!

Пока прозрачный раствор под давлением устремлялся в локтевую вену парня, Батулин шагнул к бедру с зажатым в руке брюшистым скальпелем:

— Давай, отпускай руку, капитан. Я вскрываю фасцию, буду зажимать сосуд в ране.

Я свободной рукой жестко перехватила его запястье выше перчатки. Сквозь ткань халата я ощутила железную жесткость его предплечья:

— Стойте, майор! Периферическое русло мертво, локтевая вена схлопнется через тридцать секунд инфузии! Болюс не дойдет до миокарда! Нужен центральный венозный доступ, немедленно!

— Соколова, ты спятила?! — рявкнул он, и его светлые глаза над маской полыхнули яростным упрямством. — У него центрального давления нет, вены в нитку сложились! Ты

подключичку вслепую будешь ковырять двадцать минут и верхушку легкого ему пропорешь! Здесь передовой эшелон, надо действовать наверняка! Отпусти руку!

Я не отвела взгляда. Мои пальцы держали его запястье мертво:

— Без центральной магистрали вы получите остановку сердца на третьем обороте скальпеля. Вы оперируете бедренную артерию. А жизнь и гемодинамику держу я. Доверьтесь мне, майор.

Санинструктор сменил меня у носилок, освободив мне руки. Я сорвала колпачок с длинной толстой иглы Дюфо. Пальцами левой руки скользнула по холодной коже ключицы: нащупала нижний край на границе внутренней и средней трети, развернула острие иглы под углом в тридцать градусов к яремной вырезке грудины и одним плавным, выверенным до микрона движением ввела сталь под кость. Поршень шприца пошел на себя — и цилиндр мгновенно захлебнулся густой, темной венозной струей.

Точное попадание в подключичную вену за семь секунд. Без ультразвука. На одной лишь абсолютной кинестетической памяти пальцев и анатомическом чутье.

Батурин замер. Я видела, как расширились его зрачки. За считанные мгновения я завела гибкий металлический проводник, скользнула по нему двухпросветным катетером и быстро, двумя узлами зафиксировала «бабочку» катетера к коже:

— Магистраль открыта. Растворы пошли прямо в правое предсердие. Давление поднимается: шестьдесят пять на тридцать пять. Теперь — режьте, майор.

Батурин медленно выдохнул. В глубине его колючих глаз промелькнуло ошеломленное, чистое мужское уважение профессионала к профессионалу. Он коротко кивнул операционной сестре:

— Скальпель. Быстро.

Глава

2

На первом столе развернулась схватка за жизнь сержанта Маркова.

Широкая рана правого бедра была месивом мышц и костных отломков. Бедренная артерия разорвана осколком: проксимальный конец втянулся глубоко в фасцию, заливая ткани.

Внезапно кардиомонитор захлебнулся монотонным писком. Зеленая кривая вытянулась в мертвую изолинию.

— Асистолия! — выкрикнула старшая медсестра Валя Кравчук. — Остановка!

— Адреналин — миллиграмм струйно! — скомандовала я, переходя на ручную вентиляцию. — Атропин! Транексам!

Я ритмично сжимала дыхательный мешок, второй рукой вводя кардиотоники. Сердце молчало: русло было слишком пустым.

— Кровь! — крикнул Батурин. — Валя, третью группу на стол! Две дозы!

Валя метнулась к холодильнику и замерла:

— Кабель перебит! Холодильник потек, третья группа согрелась, там хлопья гемолиза! Нельзя переливать!

Без полутора литров эритроцитов запустить сердце было невозможно.

— Вскрывай спецрезерв! — приказала я, качая мешок. — Там неприкосновенный запас первой отрицательной 0(I) Rh-. Четыре флакона! Лейте под давлением через обе линии центрального доступа!

— Это фонд армии! — ахнула Валя. — Подполковник Зубарев под трибунал отдаст!

— Под трибунал пойду я лично! Вскрывайте контейнер! Живее!

Холодные флаконы встали в штативы. Рубиновая кровь пошла по обеим линиям центрального доступа Маркова. Через сорок секунд монитор слабо всхлипнул. На экране пробежал зубец, второй — и динамик ожил синусовыми щелчками: пятьдесят, шестьдесят пять ударов! Сердце пошло.

— Есть ритм! — выдохнула Валя.

— Рано радоваться, — глухо бросил Батурин. — Зажим Гепфнера!

Он погрузил пальцы в рану, на ощупь нашел культю артерии и подушечкой пальца намертво прижал сосуд к лонной кости. Кровотечение замерло.

— Нужен зажим. Свет в рану!

И в этот миг генератор за стеной тяжело кашлянул и заглох.

Потолочный светильник погас. Операционная погрузилась в густую тьму, нарушаемую лишь тусклым свечением экрана монитора.

— Проклятье! — сдавленно выругался Батурин. — Палец не сниму, вслепую шить нельзя — рассеку артерию насквозь!

Я бросила дыхательный мешок — самостоятельное дыхание бойца уже пробивалось сквозь трубку — и сорвала со своей шеи светодиодный налобный фонарь. Щелкнул тумблер: ослепительно белый луч рассек мрак.

Я шагнула к столу, вплотную прижавшись плечом к широкому плечу Батурина.

Наше дыхание смешалось. Я чувствовала, как натянуты его мышцы, и направила свет точно на кончики его пальцев:

— Свечу, майор. Вижу артерию. Зажим прямо под вашим пальцем.

Он скосил глаза на луч, уловив мою собранность:

— Держи свет, капитан. Ни миллиметра в сторону.

Батурин ювелирно завел бранши зажима за пульсирующий сосуд и защелкнул кремальеру. Кровотечение было заблокировано инструментом.

— Монофиламент пять нулей на круглой игле.

В узком конусе фонаря, под далекие удары снарядов, Батурин начал сшивать сосуд. Он не стал ставить протез, требующий часов: на выдохе, замирая между ударами сердца, он наложил непрерывный шов конец-в-конец нативными тканями.

— Снимаю зажим.

Стальные бранши разжались. Темный ствол артерии расправился, пульсовая волна толкнулась вперед — и ни единой капли не просочилось сквозь герметичный шов.

Марков был спасен. Нога была сохранена.

Батурин медленно отступил от стола, упираясь окровавленной перчаткой в эмалированный край. Его могучие плечи опустились от восемнадцатичасовой стойки, он покачнулся.

Я шагнула вперед и бережно поддержала его за локоть:

— Держитесь, майор. Все позади. Сосуд держит.

Он повернул ко мне лицо. Поверх опущенной маски его глаза смотрели с невыразимой усталостью и чистым восхищением:

— Вытащили парня... Спасибо тебе, Даша. Без тебя я бы его не удержал.

Впервые он назвал меня по имени. Его плечо на мгновение коснулось моего — теплое, тяжелое, сквозь мокрую ткань операционных халатов. Мы замерли, глядя друг другу в глаза поверх марлевых масок, и в этой секунде немой тишины было больше правды, чем в любых уставных словах.

* * *

Перевести дух не удалось. Едва Маркова выкатили в палату, как в дальнем крыле ангара раздался глухой грохот. Земля под ногами дрогнула, а следом потянуло едким чадом тлеющего брезента.

— Обвал в аптечном отсеке! — закричал фельдшер. — Рухнули стропила! Алешку завалило, курьера!

Я бросилась в коридор.

— Соколова, стоять! — рявкнул Батурин. — Куда без саперов?!

Но я уже не слушала. Там хранился не только медикаментозный резерв, но и специальный педиатрический кофр с неонатальным оборудованием для эвакуируемых детей.

Коридор заволокло дымом. Горящие балки упали поперек прохода. Сквозь треск доно-
сился слабый плач:

— Помогите... Ноги придавило...

Я прижала к лицу марлевую салфетку с физраствором и упала на четвереньки. У самого пола еще оставалась прослойка воздуха. Ползком, сдвигая локти, я протиснулась под накренив-
шейся балкой в горящий склад.

Алешка лежал среди битого стекла. Дубовый стеллаж с ящиками растворов весом больше
центнера рухнул ему на бедра.

— Тетенька доктор... — всхлипывал мальчик, хватаясь за мой рукав. — Я кофр держал...
не бросил...

Рядом стоял дюралевый ящик с красным крестом — детский реанимационный комплект.

— Тихо, Алеша, тихо, миленький!

Мой мозг сработал мгновенно. Мальчик был придавлен, и я не знала, насколько тяжело
повреждены ноги. Если просто поднять груз — токсичный миоглобин и калий лавиной хлынут
в русло, вызывая молниеносный краш-синдром и остановку сердца.

— Не поднимай без меня! — раздался кашель Батурина. Он пробился следом, сжимая
кусок стальной трубы.

— Глеб, стой! — крикнула я. — У него синдром длительного сдавления! Нужна блокада!

Я сорвала с пояса турникеты и прямо под завалом туго затянула их на бедрах мальчика
выше зоны компрессии. Выбила осколок стекла, загребла горсть ледяной крошки со двора и
обложила сдавленные голени, тормозя метаболизм:

— Валя! Готовь четыре процента соды внутривенно! Вот теперь — поднимай, Глеб!

Батурин вогнал трубу под брус, уперся коленом и с глухим рыком навалился на рычаг.
Дерево затрещало, балка приподнялась.

— Вытаскивай!

Я схватила Алешку под мышки и выдернула из капкана. Вторым движением перехватила
ремень детского кофра. Брус с грохотом рухнул обратно, рассыпая снопы искр.

Мы вывалились в санпропускник, жадно глотая предутренний воздух. Санитары подхва-
тили курьера. Правое плечо мальчика неестественно провисало — закрытый перелом ключицы
со смещением.

— Промедол внутримышечно, — распорядилась я.

Курьера передали дежурной бригаде, чтобы проверить и ноги, и плечо. Я скатала плот-
ный ватно-марлевый валик, вложила в подмышку Алешки и турами бинта наложила жесткую
повязку Дезо, прибинтовав руку к туловищу. Боль утихла, лицо мальчика разгладилось.

— Молодец, боец. Жить будешь.

— А кофр?.. — прошептал он. — Детские трубки целы?

Я открыла замки. Все тончайшие трубки, ларингоскопы и микрокатетеры были целы.
Лишь в нижнем отсеке разбились три ампулы морфина, образовав лужицу на дне.

— Валя, зови двоих понятых, — спокойно сказала я. — Составим комиссионный акт
боевой утраты наркотических средств прямо сейчас, с подписями офицеров. Никакая тыловая
ревизия Зубарева не подкопается.

Лишь закончив писать акт, я заметила, как по правому предплечью течет кровь: рукав
был распорот торчащим штырем. Я залила рану йодопираном и заклеила пластырем.

В тамбуре меня настиг Батурин. Его лицо было черным от копоти, глаза горели яростью:

— Ты с ума сошла, капитан?! Лезть в горящий завал без саперов! Ты столичный ученый
или камикадзе?! Мне смертники не нужны, я за людей отвечаю!

Я не отступила ни на шаг, глядя ему прямо в зрачки:

— Там был живой мальчишка, майор. И единственный комплект детской реанимации. Оказавшись на моем месте, вы поступили бы точно так же. Не кричите, Глеб. Вы сделали бы то же самое.

Батурин осекся. Яростный крик застрял в горле. Желваки на обветренных скулах дрогнули, жесткие складки у рта разгладились, а колющий прищур светлых глаз медленно смягчился.

Он молча расстегнул пуговицы своего тяжелого офицерского бушлата, снял его и осторожным движением накиннул мне на дрожащие плечи.

Овчина хранила тепло его тела. Запах табака и мужской силы окутал меня, прогоняя озноб. Батурин задержал ладони на моих плечах, заглянул в глаза и глухо произнес:

— Иди к столу, Даша. Скоро рассвет. Нам еще смену закрывать.

* * *

К шести часам утра канонада за лесополосой затихла в предрассветной мгле.

Бетонный ангар погрузился в хрупкую тишину. Сорок тяжелейших раненых смены были отсортированы, прооперированы и распределены по палаткам интенсивной терапии. Ни один боец не погиб на сортировке. Спасенная нога Маркова была теплой, артерия пульсировала ровно.

Сквозь пробоины в крыше медленно сочился сизый туман.

Я подошла к умывальнику, смывая с пальцев ледяной водой кровь и копоть.

В дверях операционной стоял Батурин. Он уже снял фартук и маску. Его могучая фигура казалась высеченной из камня, но в движениях сквозила предельная усталость восемнадцати часов работы. Он подошел к столу, стянул резиновые перчатки и тяжело оперся ладонью о край эмалированного лотка.

Его плечи покачнулись.

Я повернулась, чтобы позвать его к полевой кухне за горячим чаем, но слова замерли у меня на губах.

Мой взгляд упал на его правое плечо. Рукав гимнастерки майора на тыльной стороне был грубо рассечен осколком — тем самым, от которого он прикрыл меня на плацу при первом минометном разрыве. Сукно вокруг налилось тяжелой темной влагой, присохнув к ране.

Батурин перевел дыхание, наваливаясь на стол, и я отчетливо увидела: из-под его манжеты по бледным пальцам медленно поползла густая багровая струйка.

И тяжело, гулко ударила о чистый кафельный пол первой крупной каплей крови.

Глава

3

Капля крови ударила о чистый кафель с глухим, плотным звуком. Тяжелая, маслянистая капля густой венозной крови расплылась по холодной серой плитке пола.

Я замерла у умывальника. Вся первая ночь непрерывного наркозного ритма, лязг хирургической стали, сизый дым от коагулятора — все смолкло. Остался лишь этот багровый след на плитке и майор Батурин. Он стоял, навалившись локтем на край стола. Его левая рука судорожно комкала марлевый тампон, а правая — ведущая, которой он только что ювелирно сшивал сосудистый пучок сержанту Маркову, — бессильно висела. Из-под расстегнутой манжеты полевой куртки на пальцы ползла темная струйка.

— Глеб, — тихо позвала я, подходя вплотную.

Он дернулся, скривившись от боли, и попытался спрятать руку за спину:

— Пустяки, капитан. Окалина с плаца, когда минометный накрыл. Чиркнуло вскользь. Завтра само стянется, не трать бинты.

— Покажите плечо, — отрезала я голосом, в котором осталась лишь ледяная властность реаниматолога. — Немедленно. Садитесь.

— Соколова, я сказал — после, — в его хриплом басы прорезались командирские нотки, но в зрачках уже плясала серая муть надвигающегося шока. — Сначала перевести последних в палату, проверить диурез Маркова...

— Я здесь дежурный реаниматолог, майор, — перебила я, без колебаний перехватив его здоровую руку выше запястья и потянув за собой к шлюзу. — Если вы через полчаса потеряете подвижность лучевого нерва из-за гематомы дельтовидной мышцы, оперировать следующую партию будет некому. Шагайте. В ваш блиндаж.

Он замер, ошарашенно глядя на мои пальцы на своем запястье, потом на мое лицо — запачканное сукровицей, но непреклонное. Железный Батурин молча уступил.

Мы спустились в его блиндаж. Здесь пахло просмоленным накатом в три бревна, сырой глиной и жаром чугуновой буржуйки. На столе из снарядных ящиков тускло горела «летучая мышь».

— К огню, — скомандовала я, сбросив резиновый фартук и натянув стерильные перчатки.

Изогнутыми ножницами Листера я разрежала рукав его камуфляжа. Форменная футболка намертво запеклась в черную корку. Рана на дельтовидной мышце была глубокой, рваной — осколок мины 120-го калибра вошел под острым углом, вырвав край фасции. Батурин стиснул зубы так, что побелели желваки.

— Терпите, — шепнула я.

Набрав в шприц теплый хлоргексидин, я тонкой струйкой стала размачивать присохшие нити. Всякий раз, как ткань отступала, открывая воспаленную плоть, я склонялась и тихонько дула на рану, остужая жгучую боль дыханием. Его мускулистое плечо подрагивало, но дыхание выровнялось. Он смотрел на меня сверху вниз — ошеломленно, словно никогда в жизни к его телу не прикасались с такой благоговейной, целительной нежностью.

— Где анестетик? — спросила я, осматривая штатную аптечку.

— В кофре. Новокаин, ноль-пять.

Я поднесла ампулу к лампе: жидкость внутри была белесой, мутной от ночного мороза — раствор перемерз и кристаллизовался.

— Брак. Даст некроз, — отрезала я.

Расстегнув нагрудный карман, я достала личный металлический пенал. Там лежали три ампулы стоического ультракаина с адреналином из Склифа. Тончайшей иглой я инфильтрировала края раны. Батурин шумно выдохнул, когда онемение смыло пульсацию.

— Не двигайтесь.

Анатомический пинцет звякнул о металл на глубине четырех сантиметров. Зазубренный осколок вклинился в мышечное ложе в двух миллиметрах от ствола лучевого нерва. При попытке захвата мышцу сотрясала рефлекторная контрактура.

— Глеб, поговорите со мной, — попросила я, не отрывая глаз от раны. — Расскажите про Москву. Вы ведь бывали там?

Он сглотнул, глядя на огонь:

— Бывал... Три года назад, на курсах хирургии. Жил на Малой Бронной. Там липы цвели. Знаешь, такой густой, медовый дух, когда вечером идет теплый дождь...

Его голос стал глубже, бархатистее. Спазм отпустил фасцию. Этого мига мне хватило: бранши сомкнулись, и коротким кистевым движением я извлекла зазубренный лепесток чугуна. Нерв остался нетронут.

— Вытащила.

И тут на меня обрушилась усталость. Ночь у стола разом растворилась в звенящей пустоте. Мои пальцы, державшие иглодержатель с тонкой изогнутой иглой, крупно задрожали. Тонкая шовная нить выскользнула из захвата. Я закусила губу, пытаюсь совладать с судорогой.

Внезапно горячая ладонь Батурина легла поверх моих ледяных пальцев. Он обнял мою кисть своей, передавая спокойную силу.

— Спокойно, Дашенька, — негромко произнес он, глядя мне прямо в глаза. — Я верю твоим рукам больше, чем своим. Дыши ровно. Мы вместе.

Слово «Дашенька», сказанное его строгим басом, отозвалось в груди такой пронзительной сладостью, что дрожь растаяла. Я сделала вдох. Стежок за стежком, сводя фасцию и дерму, я наложила безупречный внутрикожный косметический шов.

У подвешного умывальника я смывала с ладоней спирт. Батурин поднялся, взял вафельное полотенце и шагнул ко мне. Он сам бережно вытер мои пальцы — один за другим. Его рука скользнула к моему запястью и замерла. Расстояние между лицами сократилось до дыхания. Я слышала частый стук его сердца. В серых глазах плескалась такая бездна нежности, что перехватило горло.

— Вам нужно поспать, майор, — прошептала я. — На койку.

— Не усну, — тихо ответил он, и пальцы на моем запястье сжались чуть крепче. — Нужно обойти ребят...

— Только после того, как выпьете со мной горячего чаю, — улыбнулась я.

Батурин на миг прикрыл глаза, и на его суровом лице расцвела светлая улыбка:

— Слушаюсь, товарищ капитан.

* * *

Буржуйка гудела ровно. За толщей земли затих грохот войны, в блиндаже встала та плотная тишина, какая бывает лишь после долгой бойни.

Но стоило мне сесть на скамью, как запоздалый озноб прошил тело. Зубы застучали. Я взялась за закопченный чайник, но ручка заплясала в руке, и кипяток с шипением плеснул на раскаленный чугун.

Глеб мягко перехватил чайник, поставил на край и опустил на колени передо мной. Он взял обе мои ледяные ладони в свои широкие руки и поднес к губам, согревая долгим дыханием:

— Всё, Даша. Всё позади. Первую волну мы сломали. Все сорок живы. Ни один не ушел на столе.

Он поднялся, бросил в жестяную кружку щепоть сухой травы из холщового мешочка. По землянке поплыл одуряющий дух дикого горного чабреца и сушеного смородинового листа. Залив кипятком, он вложил кружку мне в ладони. Первый глоток обжег терпкой волной, развязав тугой спазм под ключицами.

— Поешь, — он придвинул банку с галетами.

Я покачала головой:

— Горло светло, Глеб. Перед глазами все еще разорванный парень на носилках и запах паленой кости.

Батурин помрачнел. Расстегнув планшет, он вынул темный армейский шоколад «Гвардейский». Отломив квадрат, поднес к моим губам:

— Возьми. Это не еда, это лекарство. Для глюкозы.

Благородная горечь таяла на языке, вытесняя привкус чужой крови. Я взглянула на его скулу, рассеченную старым белым шрамом от виска до челюсти:

— Откуда он?

Глеб отвел взгляд, желваки одеревенели. Помолчав, заговорил глухо:

— Три года назад. Под Изюмом. Колонну накрыли на переправе. Я скакал между горящими грузовиками, перевязывал прямо на броне. И не заметил снайпера. Меня закрыл фельдшер Серега Еремин. Пацан двадцатилетний. Сбил меня в кювет, а сам пулю в висок поймал. А осколок от гранаты прилетел, когда я его тело вытаскивал.

Он тяжело положил кулак на ящик.

Я молча накрыла его кулак своей ладонью и сжала. Глеб развернул кисть, переплетая пальцы с моими. В этом рукопожатии было больше правды, чем во всех приказах: мы оба хранили память о тех, кого не донесли, но держались за жизнь ради живых.

Порыв утреннего ветра распахнул дверь, сорвав с моих колен форменную пилотку. Она летела к углям, но Глеб перехватил ее на лету. Он отряхнул сукно, шагнул ко мне и обеими руками бережно поправил мои растрепанные волосы, а затем надел пилотку мне на голову. Его пальцы на секунду задержались на моих висках.

— Пойдем, капитан Соколова. Пора кормить твою московскую душу батальонной кашей.

У полевой кухни КП-130 под высокими соснами вился сизый дым. Около котла толпились санитары и водители. При нашем появлении бойцы вытянулись, пряча ложки и настороженно разглядывая столичного доктора. Стена неловкости встала между нами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.